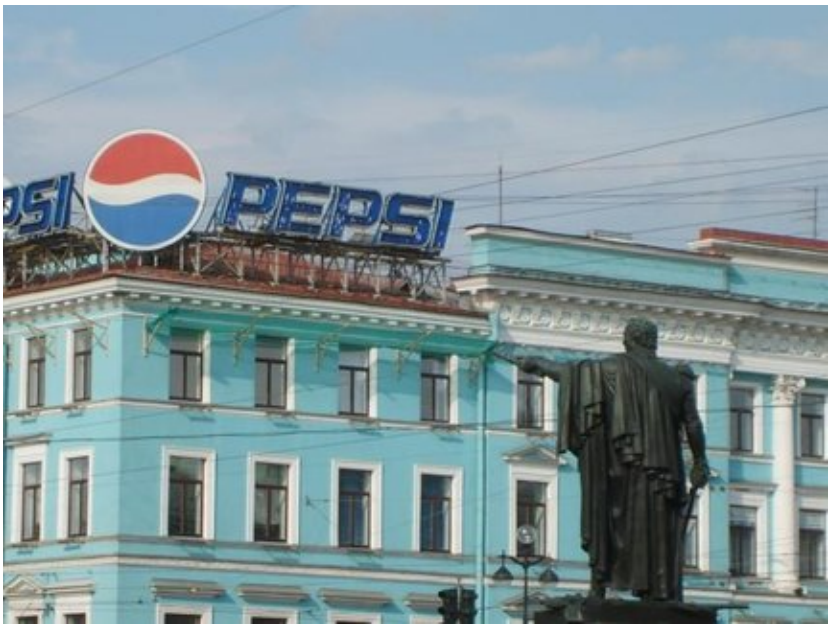
МАРГАРИТА НОВАК

novakmargarita@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА

Городская архитектура является не только культурным, но и идеологическим явлением, поскольку почти всегда обращена к обществу и должна «оправдывать» то пространство, которое занимает. Архитектура больших городов несёт большую «социальную ответственность», поскольку она представляет город, его образ жизни, а в определенном смысле она и является городом и его стилистической формой. В городах, существующих не одно столетие, для исследователя современной идеологии возникает удобный фон из зданий прошлых времён, прошлого образа мыслей. Такой контраст, можно, например, наблюдать в Петербурге, несмотря на то, что существует тенденция сохранять этот город таким, какой он сложился за прошлые века, и, порой, сложно определить какому времени принадлежит тот или иной фасад. Но на окраинах появляется новострой, добавляются кварталы, слегка изменяется дизайн старых строений – возникают вывески, объекты, украшающие или привлекающие к себе внимание. Как отдельно взятое архитектурное сооружение может быть культурно-идеологическим проектом, так, пожалуй, и город в целом, отдельные его объекты также являются артефактами идеологии.

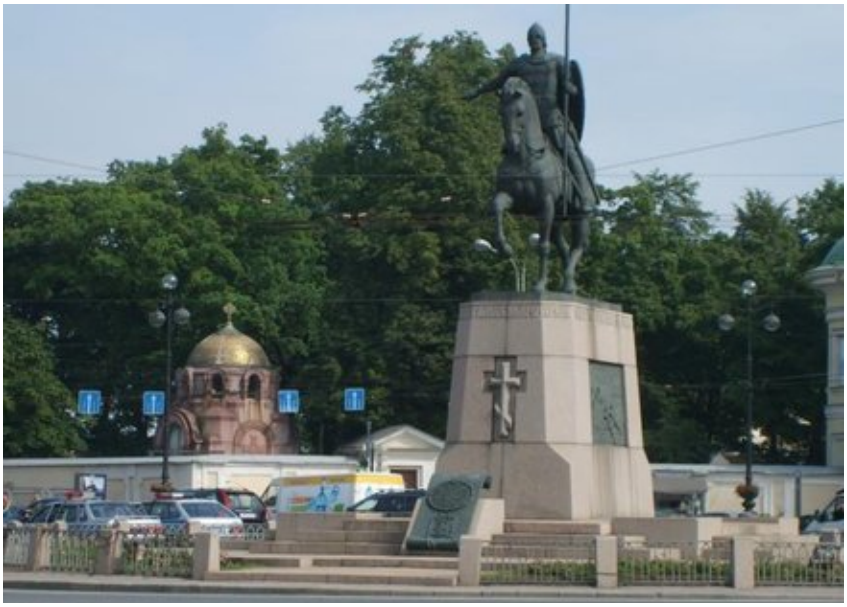
В архитектурном и дизайнерском проекте существует несколько способов идеологии «проявить себя» - присвоить или продемонстрировать какую-то идею, утвердиться. Архитектура и дизайн – это лишь визуализации, но они могут изменять внутреннее чувство пространства, исказить, умножить, уменьшить его, и это становится почти осязаемым ощущением. Наиболее применяемый в архитектуре «идеологический приём» – доминирование формы, размера, цвета. Это может быть крупное или ярко выкрашенное здание, либо строение необычной формы, когда оно отличается от всех остальных в ближайшей перспективе. Данный приём может легко переходить в другой – присвоение, когда добавляются элементы декора, вывеска в определённом стиле или с определённым содержанием на фасад здания, являющегося культурным проектом другой идеологии, в некоторой степени преображая его (см. Илл. 1). Например, красные звёзды не могут являться доминантой московского Кремля, но они «присваивают» древний архитектурный ансамбль, неразрывны с ним, и любой фрагмент этого комплекса, вызванный в сознании, в какой-то степени воскрешает и их.

Илл.1

Ещё один приём в идеологическом дискурсе архитектурных проектов – определение первенства, когда более поздний идеологический артефакт как бы объявляет себя первым по отношению к своему историческому предшественнику. В качестве примера можно привести памятник Александру Невскому в Петербурге, на одноимённой площади. Сам проект памятника, хоть и стал зарождаться ещё в 60-х годах у скульптора В. Козенюка, но окончательно был завершён сравнительно недавно, а установлен – и вовсе в 2000-х годах. Близость к памятнику Александро-Невской Лавры заставляет воспринимать фигуру Александра в контексте святости (см. Илл. 2), скорее как фигуру православную, а не историческую или военную, хотя в самой скульптуре предостаточно воинских атрибутов.

Таким образом, памятник репрезентирует православие и национализм. Но если верить газете «Вечерний Петербург», на самом памятнике крупно

Илл. 2

видна информация об организации, которая взяла на себя финансовые расходы, и благодаря которой памятник установлен. Такая информация, конечно, не может существовать отдельно от самой скульптуры. Осмысление того, что не было бы капитала – не было бы Невского, как будто переворачивает историческое первенство и забирает идеологическое доминирование у православия – и порядок вещей нарушается.

Ход истории, конечно же, сложно мистифицировать. Но из всех исторических времён, сопровождающих жизнь архитектурного строения, может быть выбран период, наиболее отвечающий доминирующей идеологии. Этот период будет определять статус здания; возможно, оно будет сохранять именно тот вид, который соответствует «нужному» периоду. Ещё один пример, когда идеологией нарушается существующий порядок – выбор из архитектурных сооружений прошлых эпох, которые могли бы соответствовать и подчёркивать ту или иную идеологию и эксплуатация их в нужном качестве. Старина, антиквариат, мрамор – вещи желанные для капиталистической идеологии, «деловому» стилю они визуально придают уверенность в идее, надёжность, связывают его с консерватизмом. Организации, банки, дорогие магазины, рестораны, расположенные в старинной архитектуре насильно вписывают свою бытовую историю в уже прошедшие эпохи.

Илл. 3

Кроме этого, на площади Александра Невского можно увидеть уже упоминавшуюся тенденцию доминирования идеологического дискурса через форму и количественные характеристики. Самый крупный объект, подчиняющий пространство – это фасад гостиницы «Москва», который отвлекает внимание от входа в Лавру («Москва» не так давно прошла реконструкцию).

Илл. 4

С совершенствованием строительных технологий стало возможным строить всё более высокие, необычные по внешнему виду сооружения. Если раньше самыми крупными зданиями в любом городе были соборы, то теперь это бизнес-центры, гипермаркеты, гостиничные и жилые комплексы. Существует некоторая ирония в том, что в давние времена функцию гостиниц, наряду с постоялыми дворами выполняли монастыри.

Сохранившийся рядом некрополь тоже в своём роде представляет собой эсхатологическое пристанище. Таким образом, «поселение рядом с богом» проигрывает роскошному проживанию в месте, где есть собственный кинотеатр, рестораны и бизнес-центр. Жизнь-для-души и жизнь-для-тела - выбор осуществляется несколькими шагами (см. илл. 3 и 4).

На доминирование конкретной идеологии может указывать акцентуация особого значения определённой стороны жизни человека, гиперболизированная репрезентация той или иной темы, и в связи с этим - появление большого количества зданий и городских объектов, связанных с идеологией – рынков или церквей, производственных цехов, заводов или театров, музеев и т.д. Отметим, что центром любой улицы в современных городах, становится ряд магазинов, которым придаётся особенное значение, через названия: «Центр…» «Мир…», «Вселенная…» и т.п.

Илл. 5

Кроме этого, использование символов божественной или какой-либо другой абстрактной силы тоже является способом реализации идеологического дискурса в архитектуре города (ссылка на неопределённые понятия, как «высшая справедливость», «гений человеческой мысли» и т.п. является основой, на которой можно построить любую идеологическую концепцию). Такая основа нарушает принципы формальной логики, но соответствует привычному порядку вещей, например, привычке искать или ждать справедливости, которая может формально конституироваться идеологией в соответствии с первоначальными общественными представлениями о ней. Фигуры и знаки божественного характерны не только в отношении религиозно-культовых сооружений, но и в отношении торговых и бизнес-центров, когда, например, используется скульптурное изображение Гермеса или Меркурия, изображения жезла торговли и т.д.; в отношении культурно-развлекательных, спортивных центров, где используются изображения других древнеримских или древнегреческих богов, здания судов и нотариальных контор – с символами Фемиды и т.д. (в воинской символике также присутствуют сакральные мотивы – награды, эмблемы). Это хорошо узнаваемые символы, которые помогают воспроизводить идею консолидации и объединения людей в какую-либо группу людей. Например, присутствие муз, богов древнегреческой мифологии в спортивно-оздоровительных центрах адресованы классу, который склоняется к мысли о жизни, полной удовольствий (вероятно, прежде всего - телесных), внешней красоты, удобства – и в этой группе людей легко узнать обеспеченный класс. Можно сказать, что обеспеченное население нашло религию, утверждающую и закрепляющую определенный образ жизни,

конституирующую гедонистические принципы.

В современном обществе появляется новая ценность, которая хорошо читается в архитектуре – особая личная приватность, связанная с контролем и властью как главными целями любой идеологии. Пространственная закрытость - это способ контролировать окружающее и свою жизнь, демонстрировать только то, что нужно. Наверное, поэтому появляется полярно разная архитектура: от креативного здания с полупрозрачными стенами (которое используется как возможность саморекламы для магазинов и организаций) до частного особняка с глухим забором (который выбирается зажиточным классом или людьми,

Илл. 6

пытающимися сохранить традицию крестьянского труда в уже искажённом виде). Люди в плотно заселённых спальных районах не могут в такой степени контролировать своё жизненное пространство, как владельцы частной собственности.

Илл. 7

Привилегия собственного жилья менее ощутима в общем доме. Тем не менее, существует парадокс: люди за глухими заборами, на первый взгляд формально разделённые друг от друга, связаны идеологией крепче, чем «пёстрая» (в социальном смысле) толпа обитателей многоэтажек. Возможно, класс, который выстраивает особняки и обносит их заборами, сознательно ограничивает свой мир, пытаясь полностью его контролировать, но здесь на первый план также выходит идея заботы о материальном – наполнении им жилого пространства как атрибута и элемента своей идентичности, идея сохранения её. Лишь сверхкапитал заставляет отказываться в какой-то степени от тотального контроля, ведь частные дома, «разбросанные» по всему миру, уже не дают такого ощущения. Потребность контролировать всё

Илл. 8

свидетельствует о невротических состояниях, но и современное общество, потребляющее в ритуально-навязчивом режиме, кажется невротическим. Если учесть, что социальные контакты и человеческие отношения становятся всё в большей степени формализованными и индексирующими определенный социальный статус, материальная культура вещей, скорее всего, также активно участвует в заполнении этого социально смыслового пространства. Сама же архитектура остаётся обезличенной, скорее носящей отпечаток технического совершенства своего века, нежели художественных мыслей и идей, выдающих собой творческий потенциал человеческого духа, а уход от типового строительства не принёс существенного разнообразия в архитектурный облик городов.

Использование стекла, прозрачность характерны для «офисного» стиля, ведь стекло или пластик слишком «неуютный» материал для жилого дома, если его используется много – он позволяет «решить проблему» визуального контроля. Тем не менее, жилые дома-офисы появляются в «спальных районах»: при этом варьируется степень прозрачности стекла и присутствие в нём других «деловых» деталей. Например, в жилом доме архитекторы делают прозрачными балконные решётки: за ними уже странно вешать сушиться бельё, оставлять старую мебель, или выходить курить в домашнем. Отнимается ли сознательно приватность у классов, которые не могут себе её позволить более обычного и чувствовать себя счастливее в таком мире, выстроенном идеологией визуального контроля и потребительского присвоения?